

Галина Ергужина – прозаик, окончила КазНАИ им. Т. Жургенова по специальности режиссёр и КазПИ – педагог русского языка и литературы. Член международного профессионального объединения «Союз независимых авторов и издателей», обладатель премии «Писатель года» за победу на международном литературном конкурсе «Яблочный Спас» (2023), участник книжной выставки The London Book Fair 2024. Высокую оценку получили книги «Прасковья» и «Девочка в поле» (издательство «Супер», Россия). Живёт в Алматы.

Галина ЕРГУЖИНА СЧАСТЛИВАЯ АЙЛА

Айла – маленькая худая дворняжка, всей душой привязанная к своему хозяину. Тот каждый день с самого утра бесцельно бродил по дворам, и Айла всегда неторопливо волочилась за ним. Иногда она отвлекалась на какие-то запахи, затем снова догоняла его, а он тяжёлой походкой, сильно раскачиваясь, шёл, почти не останавливаясь. Как звали этого высокого человека, никто не знал. Он был сильно обросшим, в поношенной одежде, с грязными руками и в рваных ботинках без шнурков. Люди сторонились его. Многие брезгливо обходили его стороной, а кто-то, увидев его в скверике, тут же вызывал полицию. Он никогда и ни с кем не разговаривал, и окружающие думали, что он скорее всего немой. На вид ему было около семидесяти, хотя вполне возможно, что он был намного моложе. Много лет назад его сестра, приехав с другого города, продала квартиру родителей, в которой он жил, и уехала восвояси, оставив его без дома. С тех пор он жил в основном на улице. Когда он слышал за своей спиной: «Смотрите, Дядька идёт!», он всегда знал, что это про него. И Айла знала, что кличка её хозяина – Дядька. Собака у Дядьки появилась случайно – он нашёл её щенком на улице, засунул себе за пазуху и таскал повсюду, пока она не выросла. Как бы он ни был пьян, он всегда находил для своей Айлы кусок хлеба или печенье, и она во всю свою собачью душу этому радовалась. Дети любили Айлу. Маленькая и неказистая, с длинной черной шерстью, она была ласковой, весёлой и игривой. Если Дядька находил прищипанную в каком-нибудь дворе, она устраивалась на солнышке возле детской площадки и всегда охотно давала себя погладить.

В один серый туманный ноябрьский вечер она, весело повилявая хвостом, плелась за хозяином, осторожно поглядывая по сторонам.

– Пойдём, Айла, – хрипло позвал Дядька, не оборачиваясь на неё, – скоро ночь, и нам надо быть в тепле. Ночь сегодня будет неласковой.

Она послушно побежала впереди него, будто знала, куда им идти.

– Да не торопись! – добродушно заворчал он слегка бессвязно и закашлялся.

Айла обтёрлась об его измученные опухшие ноги, приплясывая и преданно заглядывая в худое старое лицо. Обычно в самые холодные ночи они вместе забирались в теплотеть или в какой-нибудь подвал жилого дома, где было хотя и грязно, но сухо и тепло. Голод пережить было легче, чем холод. В этот раз Айла почувяла, что они не идут привычным маршрутом. Дядька, сильно раскачиваясь и что-то тихо шепча, шёл в сторону дороги. Айла нерешительно замерла перед шумным потоком машин, прижала уши к маленькой остроносой голове и слегка заскулила от страха. Огромная рука Дядьки сгребла её в охапку и прижала к груди, да так крепко, что она радостно лизнула родное лохматое лицо. Всё, теперь она в безопасности. Он долго нёс её на руках, не смотря на то, что они давно уже перешли дорогу. Наконец Айла увидела, что прямо перед ними появился дом, совсем не такой, к каким она привыкла. Этот дом был маленьким и тихим, а над крышей слегка извивался серый горьковатый дымок. Залаяли собаки, и Айла, вжавшись в грудь хозяина, ответила звонким лаем.

– Тише, Айла! – рявкнул Дядька.

Но Айла залилась ещё громче, почувствовав, что хозяин совсем не боится лая чужих собак. Лающих до хрипоты собак кто-то шумно запер, калитка незнакомого дома отворилась, и перед ними выросла невысокая худощавая фигура такого же старика. Он молча проводил Дядьку с Айлой на руках в дом, и чужие собаки тут же притихли за крепкой дверью, запертой хозяином. Дядька спустил Айлу на пол и уселся за пустой небольшой стол посреди неотопливаемой веранды. Айла легла в ноги Дядьки и, не мигая, смотрела на своего хозяина. Напротив него сел и старик.

– Зачем пришёл? – недовольно спросил он.

– Заночую у тебя сегодня? – не слишком-то робко спросил Дядька.

Старик молча, исподлобья смотрел на гостя, но когда тот вытащил из-за пазухи бутылку, тут же оживился. И вдруг взглянул на Айлу.

– Её в сарай! – поставил условие старик, кивнув на собаку бродяги, но Дядька покачал головой.

– Нельзя её в сарай. Всю ночь будет выть. Я лягу здесь, на полу, она всегда со мной спит. Мы не помешаем тебе, старина.

Старик молча сгрёб бутылку и шумно поднялся с места. Он зашёл в кладовку и вынес Дядьке старое, рваное одеяло, из которого ключьями торчала вата. Бросив одеяло на пол, он тихо буркнул:

– Только сегодня ночуешь здесь. На зиму не рассчитывай!

– Спасибо тебе, старина! – отозвался Дядька и, расположившись на одной стороне одеяла, накрылся с головой второй его половиной. Айла привычно ткнулась носом в скрюченный комок одеяла и, увидев небольшое отверстие внутрь, которое образовалось от поднятой руки Дядьки, тут же нырнула под его бок. Хозяин был горячим, даже слишком, чем обычно. Он тяжело дышал, но уже довольно громко храпел. Айла беспокойно подняла голову. В темноте, находясь под одеялом, она ясно чувствовала запах его внезапной болезни. Тогда она осторожно выползла из-под одеяла и осмотрелась в тёмной веранде. Здесь было чуть теплее, чем на улице, и сквозь щель в дверном проёме веяло запахом еды. Айла сглотнула и с любопытством уставилась на эту щель. Дверь в дом была приоткрыта, оттуда доносились шаркающие шаги старика. Чувствуя еду, Айла осторожно просунула нос в щель и всмотрелась внутрь дома. Перед ней был небольшой коридор, уводящий вглубь дома, но совсем близко, справа в открытой кухне горел свет, топилась печь и манило запахом горячей пищи. Айла осторожно вошла в дом, слегка поджав хвост, и появилась на пороге кухни.

– Пришла всё ж таки! – увидев её, с негодованием, но без злобы заворчал старик, поставив опустошённую рюмку на стол и загребая что-то очень вкусное с закопчённой сковороды себе в рот.

Айла почувствовала, что её не гонят, она сглотнула слюну и слегка заскулила.

Старик отломил ломоть хлеба и, промокнув его в сковороде, бросил на пол прямо под ноги Айлы. Она мигом схватила этот кусок и побежала на веранду. Радостно держа в зубах свою добычу, она нырнула под одеяло и положила его прямо у лица Дядьки. Учуяв запах хлеба, он открыл глаза.

– Ты что, украла еду, Айла? – недовольно пробурчал он, не желая просыпаться.

Она ткнула его носом в бороду. А хлеб пах так сильно, что она нетерпеливо облизала его.

Дядька громко закашлялся.

– Не воруй еду, Айла, – прошептал он, – мы с тобой бомжи, но не воры.

В этот момент в тёмной веранде кто-то кашлянул, и Айла вылезла из-под одеяла наружу. Старик молча стоял в темноте, оценивая слова бродяги. Уже слегка захмелевший, он вернулся в кухню, повозился там недолго, вернулся на веранду, включил свет и поставил на пол большую тарелку с ложкой. Затем тряхнул плечо Дядьки.

– Поешь немного, рано ты лёг. Приболел, что ли?

Дядька обернулся и, быстро избавившись от одеяла, молча взглянул на тарелку с горячей едой, стоящую на полу. Старик взглянул на собаку, которая, пересиливая голод, терпеливо сидела со своим куском, желая разделить его со своим хозяином. Бродяга взял её хлеб, обмакнул его в тарелке и вернул Айле. Она снова сглотнула слюну, а Дядька сел и принялся есть.

– Ишь ты! – усмехнулся старик, глядя на них.

Дядька перестал жевать и взглянул на Айлу. Тогда она опустила голову и стала с удовольствием есть свой кусок. А старик продолжал смотреть на них, потом вдруг хлопнул себя по колену.

– Давай, пошли в дом! – скомандовал он.

Собака слегка испугалась, вскочила с места, но, довольная угощением, тут же простила старика и села возле хозяина. Бродяга снова закашлялся, но всё же встал с пола, не выпуская из рук тарелку.

– Я на прошлой неделе впустил твоего дружка, с которым ты приходил в сквер, – хрипло заговорил старик, провожая Дядьку с собакой внутрь дома, – так он, гад такой, дождался, когда я лёг спать, и стал шариться по моим шкафам.

– У меня нет дружков. И я не просил тебя впускать его! – грубовато ответил бродяга, волочась за хозяином дома.

– Ну да, ты не просил! – отозвался старик. – Но в крайний раз он приходил в наш сквер с тобой, поэтому я впустил его в дом, думая, что он твой друг.

– Я не виноват, что ты так решил! – лениво огрызнулся Дядька.

Они вошли в тёплую кухню, где легонько потрескивала старенькая печь, а на столе стояла открытая бутылка водки и сковорода, полная жареной картошки с салом.

– Садись за стол! – хмуро велел старик.

– Да я и с пола могу поесть, мне не в первый раз, – буркнул Дядька, но всё же повиновался.

Старик слегка смутился, но не подал виду. Айла улеглась рядом с ним, уложив свою морду на ноги хозяина.

Хозяин дома украдкой взглянул ещё раз на бродягу и налил ему водки. А потом они долго ели и пили, громко разговаривали и снова пили. А собака

лежала в ногах своего хозяина, насытившись хлебом и разморившись от тепла. Она была совершенно счастлива и, казалось, слегка улыбалась, прикрыв свои чёрные, как пуговицы глаза. А когда старик пошёл спать, бросив на диване возле печи толстобокую подушку со старым пледом, Дядька тут же лёг и уснул.

На рассвете Айлу разбудил лай запертых собак и шаги старика, который, ворча и ругаясь, шёл на веранду. Она села на месте и, не смея лаять, слегка буркнула в поддержку его собакам.

Старик вышел на крыльцо, оставив приоткрытой на веранду дверь, и Айла, сгорая от любопытства, подбежала к двери и выглянула наружу.

– Чего тебе надо? – вдруг взревел старик, – Опять залез ко мне?!

Он с силой захлопнул дверь, больно ударив Айлу по носу, и снова заорал на непрошеного гостя:

– Ты вор! Я поймал тебя и на этот раз я заявлю на тебя в полицию! Вор!.. Вор!..

За дверью вдруг послышалась какая-то возня, потом грохот, будто старик поскользнулся на крыльце и шумно упал со ступенек. Айла снова подседа к самой двери, нетерпеливо прислушиваясь. Но теперь она не слышала голоса хозяина дома, лишь его собаки рвали свои глотки, гремя цепями в сарае. Айла резко развернулась и побежала в кухню, где крепко спал её хозяин. Она несколько раз ткнула носом его свисавшую с дивана горячую руку, но он не просыпался. Чужа неладное и отчётливо понимая встревоженный лай собак, запертых в сарае, Айла торопилась разбудить Дядьку, но он не шевелился. И тут она услышала шаги на ступеньках. Айла рванулась к входной двери, в проёме которой появился человек, длинный, худой, в потрёпанной грязной одежде, со злыми бегающими глазами. И Айла залилась звонким лаем, растопырив все четыре лапы и оголив острые желтоватые клыки. Человек в ужасе замер на месте и медленно стал отходить назад, а она, чувствуя своё превосходство, сделала несколько резких выпадов в его сторону, пытаясь схватить его за ногу. Он почти взвизгнул и бросился бежать. И, учувя его панику, Айла пошла в наступление, продолжая гнать непрошеного гостя из дома.

Старик беспомощно лежал на земле, прямо у крыльца. Он слегка повернул голову на лающую Айлу и закрыл глаза. Её лай был настолько громким и агрессивным, что Дядька, наконец, проснулся. Он несколько секунд прислушивался, точно понимая, что это лает его Айла, затем вскочил с дивана и насколько мог быстро выбежал на веранду. Айла стояла на крыльце и продолжала рычать и лаять, торжествуя свою победу рядом с лежавшим стариком.

Во дворе уже никого не было. Лишь собаки, запертые в сарае, разрывались от лая, срывая глотки от своей беспомощности.

– Старик! – вскрикнул Дядька и стал ощупывать пожилого хозяина дома.

На голове бедняги было тёмное липкое пятно, и он не шевелился.

– Старик! Не надо, не умирай, не сейчас! – чуть задыхаясь, растерянно бормотал бродяга, пытаясь поднять старика с земли.

Айла видела, как её хозяин втащил старика в дом и закрыл наглухо двери. Потом бегал по всему дому в поисках чего-нибудь, чем можно было бы обработать рану на голове. Айла понимала, что случилось что-то плохое, и бегала по пятам за бродягой, но тот ворчал на неё, отталкивал ногой и промывал чем-то глубокий разрез на голове деда. Старик замычал и приоткрыл глаза. Дядька быстро наложил деду повязку, обклеил её со всех сторон пластырем и почти со слезами на глазах рассмеялся:

– Старик, как же ты напугал меня! Не вздумай сдохнуть, слышишь?

Но тот вдруг снова закрыл глаза и отключился.

Дверь в дом открылась, и на пороге появилась женщина. На вид ей было около шестидесяти. Было видно, что она одинокая стареющая затворница, однако

далеко не робкого десятка. Женщина смело прошла в дом, совсем не остерегаясь чужака, но тут же замерла, увидев деда с разбитой головой. Она медленно перевела взгляд на Дядьку, побледнела и, слегка охнув, тут же выбежала из дома.

Дядька запаниковал, глаза его беспомощно бегали по сторонам, руки судорожно задрожали. Его одежда и руки были в крови старика, волосы взлохмачены, по всему дому стоял запах крепкого перегара. Он закашлялся и взглянул на Айлу. Собака топталась на месте, чувствуя его панику, и была готова бежать сейчас же. Но Дядька стоял как вкопанный. Айла подошла к хозяину и стала лизать его руки.

– Бесплезно, Айла, – ответил он ей, – я весь в крови и никому ничего не докажу...

Она заскулила почему-то и забилась в угол.

– Я не побегу, Айла! – обречённо сказал бродяга и сел рядом со стариком.

Потом приехала скорая и полиция. Врачи вывезли старика на каталке, загрузили в машину и, включив на всю мощность сирену, умчались прочь. А женщина говорила полицейским:

– Я сестра хозяина дома, живу через забор от него. Он иногда выпивает и водит в дом этих проходимцев! – она указала на Дядьку пальцем. – Как только я услышала крики и пришла, этот человек, весь в крови моего брата, навис над ним и кричал.

И Айла заметалась на месте, когда Дядьку повели в полицейскую машину и усадили, грубо оттолкнув её от дверцы. А он растерянно смотрел на неё через стекло из машины с мигалкой, и по его худому старому лицу катились слёзы. Айла громко заскулила и заметалась ещё сильнее, царапая дверь машины передними лапами и гребуя, чтобы её тоже посадили внутрь.

– Чья это собака? – остерегаясь Айлы, сурово спросил полицейский.

– Мой брат подбирает бродячих животных, так что, скорее всего, это его собачонка! – растерянно пожала плечами женщина.

– Заведите её в дом! – скомандовал полицейский и, опасаясь, что Айла его укусит, сел в машину.

Женщина затащила в дом Айлу и увидела внутри другого полицейского, осматривающего комнаты и кухню.

– Этот бородатый жил с вашим братом? – спросил он её, когда она заперла Айлу в комнате деда.

– Нет, мой брат жил один, – ответила женщина, – а бородатый пришёл к нему ночью. Наверное, они пили всю ночь водку, а потом он напал на него.

Полицейский молча вышел из дома, напоследок ещё раз окинув взглядом кухню, а женщина выбежала следом за ним.

Айла звонко лаяла и скулила, особенно в тот момент, когда услышала, как полицейская машина, в которую посадили её хозяина, уезжает от дома. Она металась по комнате, запрыгивала на кровать, тянулась к запертому окну и снова билась лапами в дверь. Но её никто не слышал. Айла несколько часов лаяла и выла, и наконец, выбившись из сил, легла под дверь.

К ночи женщина вернулась. Она долго возилась в кухне, потом вдруг услышала жалобное поскуливание в спальне и открыла дверь. Айла выскочила из комнаты, быстро обежала кухню, обнюхивая все половицы, в надежде увидеть вернувшегося Дядьку. Но его нигде не было, и она жалобно завывала, встав у двери на улицу.

– Увезли нашего деда в больницу! – чувствуя горе собаки, вздохнула женщина и стала собирать подушку и плед с дивана.

Но Айла слегка прихватила зубами этот плед. Запах Дядьки на этом пледе был теперь единственным, что успокаивало её. Женщина обернулась и слегка дёрнула плед, но Айла не отпустила его, а лишь жалобно заскулила.

– Теперь я понимаю, почему дед держал тебя в доме, а не с другими собаками, – ласково сказала женщина.

Она погладила Айлу за ушами и оставила плед на диване. Айла тут же запрыгнула на диван и улеглась на плед, уставившись на старую женщину. Та молча смотрела на неё и, наконец, кивнула:

– Хорошо, живи в доме!

Потом, пошарившись в сковородке, женщина выложила остатки еды в блюдо и поставила его на пол.

– Слава богу, дед выжил, – выдохнула она, – полежит в больнице, поправится и вернётся.

Айла заскулила. Но к блюду не подошла. Женщина понимающе покачала головой и вышла прочь, заперев дом снаружи. Ночь в чужом доме была слишком долгой. Айла иногда спускалась с пледа на пол, подходила к двери, скулила и снова возвращалась на плед. К еде она так и не притронулась и всю ночь нюхала плед, которым укрывался Дядька. К утру ей приснилось, как он сгребает её в свои огромные руки и кладёт себе за пазуху. Как будто она щенок, а Дядька подходит к только что оставленным столам в летнем кафе и быстро набивает едой карманы. Люди кричат на него и гонят прочь, словно боятся, что отходы, которые они всё равно выкинут на помойку, могут быть съедены живым существом. Дядька послушно уходит, а потом в тёплом подвале жуёт ей пищу и толкает в рот.

– Ешь, Айла, – приговаривает он, – ты должна радоваться еде. Потом будет и другая радость – это когда ты будешь заботиться обо мне. Мы будем заботиться друг о друге, Айла. Потому что забота – это главное, чего хотят живые. Все любят заботу.

Айла видела в своих снах, как в дождливые холодные дни, блуждая по городу, Дядька заматывал свою собаку в тёплую тряпку, старательно растирал её озябшее тело в лихие морозы и, смеясь, часто целовал в нос. Дети бегали за ними и кричали:

– Дядька, можно погладить собачку?

И он останавливался и садился где-нибудь в сторонке, пока дети играли с Айлой. А потом они снова куда-то шли, и он всё приговаривал:

– У тебя много друзей, Айла. Ты молодец. Без друзей в этой жизни никак нельзя.

Иногда слишком пьяный старый бродяга засыпал где придётся, и Айла лежала рядом, охраняя его. А когда он просыпался, то тут же кричал:

– Айла! Где моя собачка? Вы не видели мою собачку?

А она сидела рядом и радостно ждала, когда он вдруг обернётся на неё, увидит и засмеётся:

– Где ты была, глупая собака? Я звал тебя. Где же ты была, моя Айла?

Это было самое счастливое время в жизни Айлы. Дядька всегда был рядом, он всегда помнил о ней. Летом они вместе купались в реке, спали на свежей траве, и огромная жёлтая луна светила им по ночам, когда они делили меж собой свой хлеб.

Айла вздрогнула, проснулась и снова заскулила. В окна дома ворвался дневной свет, и Айла снова забежала, ожидая, что вот-вот Дядька войдёт в этот дом. Но вокруг была тишина. И она снова улеглась на плед, громко завыв. Вдруг она притихла. Во дворе больше не было слышно собак. Никто не отвечал на её вой. Айла подошла к двери и прислушалась. Нет, она не ошиблась. Собак не было. Это женщина выпустила бродячих собак старика на улицу и наглухо заперла сарай. Айла подошла к блюду с едой, безразлично понюхала её и отошла в сторону, с тоской глядя на плед, оставленный на диване. А через

несколько часов Айла услышала чьи-то шаги под окном. Она тихо заскулила и прислушалась. Но это были чужие шаги. Осторожные, они тихо прошаркали под окном вокруг дома. Кто-то попытался заглянуть в окно. Айла громко заскулила. И человек вдруг метнулся в сторону и выбежал на улицу. Айла снова залилась звонким лаем, а шаги быстро утихли.

Вскоре пришла женщина с тёплым, вкусно пахнувшим супом. Она убрала нетронутую еду и налила в чашку побольше супа.

– Иди ешь, дорогая! – очарованная преданностью собаки, позвала она Айлу.

Но Айла вышла на веранду и стала тыкаться носом в старое рваное одеяло, брошенное на полу. Женщина молча подняла одеяло и унесла его в кладовку. Айла заскулила, и женщина цыкнула на неё.

– Хватит! – сердито сказала она, – А то выведу тебя, как остальных собак! Воешь тут, скулишь, иди лучше поешь!

И снова во дворе послышались шаги. Потом они приблизились к крыльцу, и Айла, узнав эти шаги, залилась страшным лаем. Женщина вздрогнула и приоткрыла дверь. Напуганный лаем Айлы, человек со злыми глазами отбежал за калитку и виновато улыбнулся.

– Я спросить хотел, – как можно спокойнее сказал он, – старик-то как? Слышал, скорая приезжала. Заболел, что ли?

Женщина недоверчиво смотрела на него, а Айла заливалась за её спиной.

– Он что, собаку в доме держит? – слегка заикаясь, непринуждённо спросил чужой.

– И держит, – огрызнулась женщина, – тебе-то что?

– Да ничего, – пожал плечами тот, – я спросить про деда хотел. Говорят, что умер он или заболел.

– Не умер! – процедила женщина и закрыла дверь, она вдруг поняла, что совсем не напрасно оставила в доме собаку, может, и брат смекнул, что собака в доме не всякому даст войти.

Между тем Айла заметалась по дому, и до женщины дошло, что ей надо справиться нужду. Она нашла старый ошейник, привязала к нему верёвку и вышла с собакой во двор. Айла тут же присела возле крыльца и облегчилась. Затем она прошла вглубь двора и снова присела. У калитки появилась фигура в полицейской форме, и Айла, зарычав, кинулась в его сторону. Женщина затащила её в дом и вышла к полицейскому.

– Здравствуйте! – поздоровался он, но она лишь молча кивнула и с тревогой смотрела на него.

– Я уточнить хотел, – продолжал полицейский, – брат ваш сказал, что на него напал не бородатый, а некий человек по кличке Длинный. Знаете такого?..

– Приходил тут один, может, это он и был... – и она описала недавнего гостя.

Дни тянулись медленно, но самыми долгими были ночи. Женщина каждое утро приносила Айле еду, но она по-прежнему отказывалась есть. Собака сильно исхудала и стала вялой, но не покидала старый потрёпанный плед на диване. Женщина приносила ей и котлеты, и рыбу, и мясные обрезки, но Айла ничего не ела, лишь иногда облизывала еду, пила воду и всё лежала на старом пледе. Прошла неделя. Женщина уже привыкла к собаке и, слегка поглаживая её, уговаривала поесть, пыталась хоть как-то развлечь. А однажды, навестив брата в больнице, она вбежала в дом и, как показалось Айле, сердито начала выговаривать:

– Так ты его собака? Ты собака бородатого?!

Айла лизнула плед, виновато глядя на женщину. Но нет. Это был не гнев. Женщина присела вдруг рядом с Айлой и погладила измученное тоской животное.

– Мне брат рассказал, как ты не впустила вора в дом. Молодец. А хозяина твоего отпустили, только и он в больнице лежит.

Айла ничего не поняла в её словах, но почувствовала, что её жалеют. Собака взглянула на чужую женщину, реагируя на тон, и вздохнула, сожалея, что это не её хозяин.

– Не грусти и не вздыхай, – утешала женщина Айлу, – вернётся за тобой твой бородатый дядька.

Услышав слово «Дядька», Айла вскинула голову и уставилась на женщину. Дядька? Она сказала: «Дядька»?! Где он?..

Айла заскулила и вскочила с места, тут же подбежав к двери.

– Ишь ты, какая умная! – рассмеялась женщина. – Куда собралась? Рано ещё. Придёт за тобой твой хозяин, помнит ведь, где оставил тебя. Сиди и жди его. Поняла?

Ничего не поняла Айла, но что-то внушило ей надежду, настоящую и крепкую надежду. Вот это она поняла.

Снова потянулись дни, долгие и скучные. Только теперь женщина почти постоянно была рядом с Айлой. То полы мыла, то печь топила, то варила собаке еду. И всё время говорила с ней. Так Айла и привыкла к этому человеку. Но Дядька всё никак не возвращался. И Айла стала выть днями и ночами, стараясь теперь уйти из дома. Потому что она больше не верила, что он сможет вернуться за ней. Потому что она сама хотела теперь найти его. Однако женщина слишком хорошо следила за Айлой и никуда не выпускала её без ошейника.

Так прошло чуть больше трёх недель. За окном уже был настоящий мороз, снег лежал повсюду огромными глыбами, приближался Новый год.

Однажды утром дверь в дом открылась, и женщина вошла уже не одна, а с дедом, попутно раздевая его в хорошо протопленном доме. Айла вышла ему навстречу и вопросительно взглянула ему в глаза. Дед долго смотрел на неё, не выражая никаких эмоций, потом сел за стол в ожидании обеда. И пока женщина суежилась у печи, он продолжал внимательно наблюдать за Айлой.

– А где мои собаки? – вдруг спросил он.

– Я выпустила их, не сердись, – тихо отозвалась она, – чем кормить такую свору? А эта... улеглась на твой плед и заскулила, как человек. Вот и оставила её, потому что подумала, что она по тебе так горюет.

Дед молча смотрел в чёрные глаза Айлы.

– Я даже не знаю, как её зовут, – говорила женщина, разливая по тарелкам ароматный суп, – но она с первого дня, как тебя увезли, не вставала с твоего пледа. И не ест ничего, всё смотрит на калитку и воет день и ночь.

– Вот ведь собаки! – тяжело вздохнул старик. – Вроде и головёшка у них с кулак, а поумнее людей всё же таки. Такие преданные, что за душу берёт. Чем он кормил её, этот бродяга? Хлебом?

Женщина поставила тарелки на стол и взглянула в миску Айлы. Там оставался нетронутым суповой набор с крупой.

– Так и есть! – продолжал старик, медленно разламывая пальцами хлеб. – Бродяга кормил её только хлебом. Но это был их общий хлеб. И скитания у них были общие. Потому ей тёплого дома не надо. Не надо, понимаешь? Потому что в этом доме нет его, её хозяина.

– А может, привыкнет? – женщина села за стол.

– Привыкнет, конечно же! – отозвался старик.

Потом вдруг неожиданно громко и твёрдо добавил:

– Но ждать его не перестанет. Верные они, не то что люди.

Айла не смотрела на них. Она лежала, уложив морду на плед, и вдыхала уже едва ощутимый родной запах. Запах постепенно уходил от неё, так же, как ушёл человек.

– А он не вернётся за ней? – осторожно спросила женщина.

– Помер, наверное. Большой шибко был! – вздохнул старик, глядя на собаку.

Женщина перестала есть и тоже с печалью взглянула на Айлу. Та подняла голову и, почуяв тоску людей, уставилась в глаза старику. Старик подбадривающе кивнул:

– Ничего, Айла. Живи у меня.

– Её зовут Айла? – спросила женщина.

– Да, – ответил старик, – я слышал, как он ей сказал в ту ночь: «Не воруй еду, Айла. Мы бомжи с тобой, но не воры!»

Услышав своё имя, Айла подошла к столу и задрала голову вверх. Они оба: и старик, и женщина тут же протянули ей свой хлеб. Но она отошла от стола, печально поджав хвост. Ей не нужна была еда, она хотела, чтобы люди снова произнесли это слово, то, которое она слышала от самого дорогого ей человека.

Прошёл ещё месяц. Из-за длительной голодовки Айла сильно ослабла, её рвало. Она забивалась в углы и игнорировала даже своё имя. Айлу свозили к ветеринару, там поставили капельницы и пролечили её. После капельниц ей стало намного лучше, но душевную рану ей никто исцелить не мог. Она безразлично принимала ласку женщины и старика, перестала выть и всё время лежала.

Теперь они были втроём – Айла, старик и его сестра. Старик нередко, пропустив пару рюмок, пытался уговорить Айлу поесть. Но она могла лишь похлебать жидкость из супа и снова ложилась на плед, давно утративший запах её хозяина.

– Поймали этого вора, наконец-то! – торжествуя, заявил однажды старик. – Он думал, что у меня ордена есть, раз я ветеран войны. Так я же не воевал никогда. Я был ветераном трудового фронта. С чего он взял, что у меня ордена есть?

Женщина растерянно отошла от печи и посмотрела на старика.

– Это я всем говорю, что ты ветеран войны и у тебя ордена есть, – пробормотала она.

– Зачем это? – рассердился на неё старик.

– Чтоб люди уважали тебя! – едва слышно призналась она и опустила голову.

Тот сердито фыркнул и хлопнул по столу рукой.

– Нельзя врать людям, чтобы они уважали! – громко сказал он. – Им не за что уважать меня, они знают, что я просто старик, который каждый день пьёт водку. Они не видели моей жизни, не участвовали в ней. Они не помнят войны, не знают, что я пережил. Для них я просто старый человек. Вот и всё. Это ты должна уважать меня, потому что ты моя сестра. Это ты всё знаешь обо мне, а не они.

– Они думают, что ты просто пьяница! – попыталась возразить ему женщина и встала из-за стола.

Но он тут же вскочил с места и сурово перебил её:

– Ты не можешь лгать людям ради того, чтобы они уважали меня!

Почувствовав гнев людей, Айла вскочила на ноги. Она с опаской взглянула на старика и медленно вышла из укрытия, встав прямо перед женщиной, словно преграждая деду дорогу. Старик увидел это и вдруг улыбнулся:

– Смотри-ка, она защищает тебя!

Женщина опустила вниз голову и тоже улыбнулась:

– Ну, хотя бы ей стало ясно, что я не хотела тебе вреда! Спасибо тебе, Айла!

Женщина наклонилась, чтобы ласково потрепать её за ухом, но собака вдруг дёрнулась, залилась громким лаем и побежала на веранду. Старики вздрогнули от неожиданности и пошли к двери, едва поспевая за Айлой.

– Уйми её! – велел старик и, дождавшись, когда женщина оттащит Айлу от двери, спросил: – Кто там?

– Это я, старина! – едва слышно ответили за дверью.

Радостный визг вместе с хриплым лаем оглушил обоих стариков. Женщина отпустила Айлу, а старик распахнул дверь, впуская самого желанного гостя. Айла с разбега запрыгнула на руки здоровенному Дядьке и так стала прыгать в его руках, облизывая всё его лицо, что он едва мог удержать её. Старики рассмеялись, утирая слёзы, внезапно проступившие на ресницы, а Дядька вслух заревел, целуя собаку.

– Где ты был столько времени, бродяга? – радостно провожая к печи Дядьку, спросил старик.

Тот окоченевшими от мороза руками обнимал и целовал Айлу в ответ на её плаксивые поскуливания. Затем, слегка оторвавшись от неё, он только и успел ответить, что попал в больницу, как только его отпустили из полиции, но тут же сжал губы, потому что длинный розовый язык Айлы метался по его лицу.

– Я помню, что ты был простужен! – закивал головой старик, помогая Дядьке успокоить Айлу поглаживаниями её извивающегося в радости тело.

– Это ещё что! Как только я вышел из полиции, меня машина сбила, – сообщил Дядька, уворачиваясь от облизывания собаки, – вот и лечили долго...

Около часа старики наблюдали, как обнимаются человек и собака после долгой разлуки. Затем накрыли стол и рассказали ему, как Айла ждала своего бродягу. Дядька со слезами ел и пил, постоянно наклоняясь к собаке и поглаживая её. А женщина под шумок подкармливала Айлу, заметив, что она будто вспомнила о еде и с радостью щенка хватает с её рук всё, что ей дают. Собака обнимала лапами ноги хозяина и всё скулила и скулила, будто жалуясь ему, будто пытаясь рассказать о своём горе. А он, склонившись к ней от стола, озябший и голодный, прятал в ресницах свои слёзы и приговаривал:

– Я здесь, Айла. Я не бросил тебя. Я не мог так с тобой поступить, моя Айла.

И она снова извивалась под его рукой, благодарно облизывая её и повизгивая от радости встречи с ним.

– Оставайся у нас, – решительно предложил старик, – ты хороший человек. Оставайся жить в моём доме.

Но Дядька покачал головой с тихой улыбкой в глазах.

– Нет, старина. Спасибо тебе. Разве что иногда будем навещать тебя с Айлой.

А через некоторое время счастливая Айла бежала впереди своего хозяина по холодному и липкому снегу, сверкающему на солнце. И ей было совершенно всё равно, куда идёт этот человек. Главное, что он был снова рядом. Дядька шёл, сильно пошатываясь, не в такт размахивая небольшим пакетом с едой и слегка бессвязно, но весело бормотал:

– Не торопись, Айла. У нас с тобой ещё очень много времени!